Максимович Желько

РОССИЯ

БУДУЩЕЕ

7

Желько Максимович
Россия. Будущее 7

https://litres.ru/74682199
SelfPub; 2026

Аннотация

Россия Будущее — глубокое исследование технологического прорыва, который определит судьбу человечества на ближайшие столетия. Автор представляет детальный анализ грядущих изменений в обществе, экономике и технологиях, охватывая период с 2030 по 2100 год. Через призму личной истории главного героя — бывшего промышленного рабочего Павла Антонова — автор показывает трансформацию общества в эпоху технологических перемен. От потери работы из-за автоматизации до становления архитектором человеческих судеб — путь героя отражает метаморфозы, которые ждут каждого в будущем.

Книга адресована широкому кругу читателей: от специалистов в области технологий и инноваций до всех, кто интересуется будущим человечества. Это не просто прогноз — это приглашение к размышлению о том, как технологии изменят нашу жизнь, общество и само понимание человечности.

Желько Максимович
Россия. Будущее 7

Технологический рывок: ставка, которую нельзя не сделать

У истории есть одно жестокое правило: она не спрашивает, готов ли ты. Она просто идёт дальше — с теми, кто успел.

Сегодня мир стоит на пороге новой эпохи. Не очередного витка конкуренции, а смены самой её логики. Кто первым обуздает технологии следующего поколения — тот перестанет догонять и начнёт диктовать. Не ценой силы, а ценой превосходства, которое невозможно догнать вдогонку: пока одни копируют вчерашнее, другие уже живут в завтрашнем.

Россия может стать этим лидером. У неё есть для этого всё, что не покупается за деньги: школа фундаментальной науки, инженерная культура, привычка решать задачи, от которых отступаются другие. Но потенциал — это только семя. Оно не прорастает само.

И здесь — главное. Рывок не делается наполовину. Нельзя «немного» опередить эпоху. Либо ты задаёшь правила, либо играешь по чужим. Либо создаёшь технологии, которые ста-

новятся мировым стандартом, либо всю оставшуюся жизнь платишь за чужие лицензии, чужие чипы, чужие решения — и чужую волю.

Если Россия не сделает этот шаг — его сделает кто-то другой. И тогда вопрос будет уже не о лидерстве. Тогда это будет война с историей — и в ней не бывает ничьей. Проигравший не получает второго раунда: он получает место в учебнике, которое ему определили победители.

Но у этой истории может быть другая развязка.

Технологический рывок — это не про громкие слова. Это про решения, принятые сегодня: про науку, которую перестают финансировать по остаточному принципу; про инженера, который не уезжает, потому что здесь интереснее; про школьника, который мечтает не о чужом будущем, а о своём. Про волю — не ждать, пока станет ясно, а определять, каким это «ясно» будет.

Один народ, одна цель, одно окно возможностей. История не даёт много времени на раздумья. Она даёт ровно столько, чтобы успеть — или не успеть.

Выбор прост. И он делается сейчас.

Технологии, что пишут будущее: хроника по десятилетиям

Каждое десятилетие выбирает свои технологии — и потом эти технологии выбирают, каким будет мир.

В книге я попробую пройти этот путь без спешки: десятилетие за десятилетием, слой за слоем. Не как список изобретений, а как хронику того, как человечество училось новому — и как это новое меняло его самого.

2030 — Эпоха Пере сборки Мира

Роботизация производства и экономии

Фабрики перестают быть местом приложения человеческих рук. Роботизированные линии становятся самообучающимися: они не «выполняют инструкции», а оптимизируют поток — сырьё, энергию, логистику, брак. Экономия возникает не от дешёвого труда, а от устранения потерь: нет простоя, нет склада-балласта, нет человеческой усталости.

3Д-печать

От прототипа — к основному производству. Деталь печатается там, где она нужна, а не там, где дешевле сборка. Логистика укорачивается, склад превращается в «цифровой банк моделей».

Модульное производство

Заводы становятся конструкторами: любой продукт собирается из стандартных модулей, как из деталей конструктора. Замена модуля — это замена узла мира. Ремонт становится заменой, а не восстановлением.

Разрыв всех мировых торговых путей

Глобальные цепочки поставок — длинные, хрупкие, зависимые. Их разрыв не катастрофа, а освобождение: страны переходят на близкие, региональные, воспроизводимые источники.

Закрытие открытой мировой экономики

Каждый — в своём пан-регионе. Это не изоляция из бессилия, а архитектурная защита: регион производит критический минимум сам, а обмен становится стратегическим выбором, а не вынужденной зависимостью.

2040 — Эпоха Квантового Субстрата

Русские квантовые процессоры

Кубитная архитектура выходит за пределы лаборатории. Вычисления перестают быть «быстрыми» — они становятся принципиально иными: задачи, неподъёмные для классических машин (молекулярный дизайн, оптимизация логистики, криптография), решаются как естественная функция среды.

Вместо интернета — Русская Квантовая паутина

Это не «быстрее» интернет. Это другая физика связи: квантовая запутанность вместо маршрутизации пакетов. Следствие — невозможность перехвата без разрушения сигнала, мгновенная согласованность узлов, устойчивость к физическому обрыву каналов.

Полный переход на атомные станции на быстрых нейтронах

Здесь проект опирается на реальную инженерную основу. Реакторы на быстрых нейтронах с замкнутым топливным циклом (БН-800 уже работает на Белоярской АЭС, БН-1200М планируется к строительству как 5-й энергоблок Белоярской АЭС) позволяют использовать не ~3%, а порядка 30% потенциала ядерного топлива — превращая обеднённый уран и отработавшее топливо в новое горючее. БРЕСТ-ОД-300 (свинцовый теплоноситель, Северск) и исследовательский МБИР (Димитровград) — прототипы этого перехода.

Смысл эпохи: энергия перестаёт быть ресурсом, за который борются, и становится инфраструктурой, как воздух.

Разработка квантовых материалов

Материалы проектируются не перебором, а квантовым

расчётом: сверхпроводники при комнатной температуре, метаматериалы с заданными оптическими свойствами, покрытия с нулевым износом.

Рецикл отходов

Отход — это не отход, а необработанное сырьё. Замкнутость цикла становится нормой: что произвела одна отрасль, потребляет другая.

Русский Квантовый софтвер

Четыре столпа: безопасность (невозможность подмены данных), достоверность информации (проверяемость каждого факта), стабильность (среда, которая не падает), креативность (инструмент генерации нового, а не только исполнения).

Социальная революция: человек — архитектор своей судьбы

Здесь меняется сама антропология труда:

- отказ от фиксированной работы по времени — результат важнее часов;
- свободное рабочее время — человек сам определяет ритм;
- свободное движение между компаниями, местами, идеями;
- идейные социальные группы как основная единица об-

щества вместо формальных коллективов;

- борьба за умных, одарённых, креативных людей — конкуренция смещается с ресурсов на талант.

Квантовый ИИ

ИИ, работающий на квантовом субстрате, перестаёт быть «инструментом ответов» и становится средой мышления: он моделирует сложность напрямую, а не приближает её.

2050 — Эпоха Полной Интеграции

Квантовая паутина по всей России (отказ от мирового интернета)

Полное покрытие территории: от Калининграда до Курил, включая Арктику и труднодоступные районы. Это не «локальная сеть» — это самодостаточная цифровая цивилизация со своей архитектурой доверия.

Развитие биоинжиниринга

Биология становится инженерией: конструирование организмов, тканей, ферментов под задачу — от промышленного синтеза до экологической реставрации.

Генная медицина

Лечение переходит от «устранения симптома» к правке причины: редактирование генома, персонализированная те-

рапия, предупреждение наследственных заболеваний.

3Д-печать в строительстве

Дома печатаются: быстро, из местных материалов, по проекту, адаптированному к климату и рельефу. Города растут не «этапами», а приращением.

2060 — Эпоха Квантового Господства

Русские квантовые процессоры 2-го и 3-го поколений

Каждое поколение — не просто мощнее, а иначе устроено: от кубитов к топологическим и фотонным архитектурам. Масштабируемость становится инженерной, а не научной проблемой.

3Д-печать одежды, автомобилей, самолётов, техники

Конечный продукт — целиком печатный. Производство максимально приближается к точке потребления: транспорт печатается в депо, техника — на месте эксплуатации.

Полный рецикл всего производства

Цикл замкнут целиком: ни один материал не выбывает из оборота. «Мусор» становится историческим понятием.

Квантовая паутина отслеживает движение каждого жителя

Это точка, требующая честного разговора. Такая система — это одновременно абсолютная безопасность (никто не потеряется в тайге, не пропадёт без помощи) и абсолютный надзор. Реализация этой идеи напрямую зависит от того, кому принадлежит доступ к данным, как он ограничен законом и как защищён от злоупотребления. Технология здесь нейтральна; этика — нет.

Квантовая паутина не допускает происшествий на дорогах

Квантовые сенсоры на каждой машине и самолёте образуют единое поле предвидения: транспортные средства «видят» друг друга заранее и синхронизируются. Авария становится вычислительно невозможной.

нГ — неограниченная скорость паутины

Скорость связи перестаёт быть ограничением вообще: расстояние исчезает как фактор задержки.

Отказ от денег и банков

Деньги — это мера дефицита и посредник недоверия. В мире изобилия энергии, материалов и мгновенной связи распределение становится прямой функцией потребности и заслуги, а не торга. Это самая радикальная и самая спорная точка всей хроники: она требует не технологии, а новой социальной договорённости о справедливости.

2070 — Эпоха Выхода за Пределы Земли

Русская база на Луне

Постоянное присутствие: добыча ресурсов, научные полигоны, топливные депо для дальних маршрутов. Луна — плацдарм, а не витрина.

Космический лифт

Геостационарный трос превращает выход в космос из события в рейс. Стоимость доставки на орбиту падает на порядки.

Новые квантовые материалы

Материалы, полученные в невесомости и вакууме: идеальные кристаллы, сверхпрочные композиты, сплавы без гравитационной сегрегации.

Космический туризм

Орбита и Луна становятся доступным маршрутом для многих, а не привилегией единиц.

Квантовые голограммы

Связь обретает телесность: собеседник присутствует в объёме так, будто стоит рядом. Дальняя коммуникация впервые перестаёт быть «плоской».

2080 — Эпоха Био-Гео-Синтеза

Полностью генная медицина

Лекарство — не таблетка, а программа под конкретный генотип человека: терапия, собранная по индивидуальному геному, а не усреднённая по популяции.

Использование энергии Земли (Земля как большой конденсатор)

Планета рассматривается как энергетическая система: тектоническое тепло, градиенты температуры, магнитное поле, приливные силы — всё становится источником. Речь не о «выкачивании», а о согласованном обмене энергией с планетой.

Морские города

Города под океаном и на шельфе: автономные, снабжаемые энергией градиентов и течений, использующие океан как среду, а не как преграду.

Подземные города

Города под Землёй: защита от внешних угроз, стабильный климат, доступ к глубинному теплу. Геотермика превращает недра из «могилы» в «дом».

2090 — Эпоха Живого Производства

Био-процессоры

Вычисления на биологическом субстрате: невероятная энергоэффективность, способность к саморемонту и самообучению.

Дети, выращенные в инкубаторах

Точка этического напряжения. Технология снимает риски вынашивания и наследственных патологий, но поднимает вопрос о самом смысле рождения, родства и родительства. Как и всё в этой хронике, это вопрос не можем ли, а на каких основаниях и с какими гарантиями достоинства.

Генетически улучшенный новый вид человека.

3Д-печать еды

Питание печатается из базовых нутриентов: произвольная форма, состав, вкус, текстура — при полном контроле качества.

Био-строительство и био-материалы

Здания растут, а не строятся: живые конструкции, которые сами растут, ремонтируются и адаптируются к погоде.

3Д-печать внутренних органов человека

Орган печатается из собственных клеток пациента — без

донора, без отторжения, без очереди. Трансплантация становится рутиной, а не событием.

Био-софтвер

Программы, которые живут, размножаются и эволюционируют внутри биологической среды.

Био-агенты — средняя продолжительность жизни 200 лет

Постоянные симбионты в организме человека: поддерживают здоровье, ремонтируют ткани, корректируют метаболизм. Болезнь и старение перестают быть неизбежностью.

Био-роботы, био-голограммы, био-ИИ

Машины, голограммы и интеллекты — на биологической основе: гибкие, само ремонтирующиеся, эволюционирующие, встроенные в живую природу, а не противостоящие ей.

2100 — Эпоха Фазных Реальностей

Открытие фазно-сдвинутых реальностей

Первые русские колонии в фазно смещённых реальностях: там живут люди, похожие на нас, иные биологические цивилизации, множество пустых пространств и многообразие форм. Человечество впервые получает не новую планету, а новое измерение бытия.

Развитие Био-паутины

Квантовая паутина 2040-х вырастает в био-паутину: живая, самоорганизующаяся, ощущающая связь между людьми, городами, организмами и планетами.

Синтез науки, эзотерики, магии и религии

Финал спирали: то, что тысячи лет казалось враждующими способами познания, обнаруживает общий корень. Наука описывает механизм, религия — смысл, эзотерика и магия — способы взаимодействия с тонкой стороной реальности. Синтез — не отказ от рациональности, а расширение её границ.

Множество разных био-ИИ

Не один «единый разум», а экосистема интеллектов: разные, несогласные, дополняющие друг друга. Плюрализм становится итоговой формой разума.

Глава 1. Уведомление

2030. Март. Вторник.

I

Он не поверил.

Павел Антонов стоял у второй линии сварки, и в этот момент — 07:43 утра, семнадцать минут после начала смены, когда воздух в цеху ещё не прогрелся до той вязкой, металлической духоты, которая наступала к полудню — его наручный терминал завибрировал дважды. Короткий, настойчивый пульс. Не сообщение от сына. Не напоминание о платеже. Служебное.

Он поднял запястье, не отрываясь от панели управления, где мониторы показывали температуру швов, давление в магистрали, скорость подачи электродов. Привычка. Тринадцать лет одних и тех же движений выковали из него существо, способное читать, слушать, думать — и при этом держать руку на пульте, готовую вмешаться в любую секунду.

На экране терминала — серый прямоугольник. Одно предложение.

«В связи с полной автоматизацией производственного цикла ваша должность сокращена с седьмого числа сего месяца. Компенсация зачислена. Благодарим за сотрудничество».

Павел прочитал. Моргнул. Прочитал снова.

Слова не изменились.

Он поднял голову — медленно, будто боялся, что резкое движение разрушит какую-то невидимую стену между ним и реальностью — и посмотрел на линию.

Над конвейером стояли три руки.

Не его руки. Не человеческие вообще.

Гнутые, сочленённые в семи точках, покрытые белым композитом с оранжевыми маркерами безопасности — они двигались синхронно, точно, безжалостно красиво. Сварочные головки описывали дуги, которые казались хореографией. Искры летели веером, оседали на защитных экранах. Швы ложились ровно — миллиметр к миллиметру, без отклонений, без пауз, без усталости.

Павел смотрел, как одна из рук опускается к стыку двух пластин, как сенсор на её кончике вспыхивает синим — сканирование, — как следом включается дуга, и шов ползёт по металлу. Медленно. Гипнотически. Неотвратимо.

Они варили сами.

Он стоял, и руки его ничего не делали.

Панель управления перед ним всё ещё светилась — зелёные индикаторы, стабильные графики, — но он вдруг понял: она больше не ждала его команд. Она информировала. Цифры на экране были не инструментом, а отчётом. Для него. Для человека, который больше не был нужен.

Павел обернулся.

В цеху было ещё шесть человек.

Все стояли, как он. Все смотрели в свои терминалы. У Коли Ратникова — третья линия, двадцать два года стажа, руки в шрамах от ожогов — лицо было белым, как известь. Серёга Громов, мастер смены, сидел на ящике с инструментами и медленно тер ладонью затылок. Женщины у упаковки — Лена и Рита — стояли рядом, но не говорили. Лена держала терминал обеими руками, будто он мог выскользнуть.

Никто не кричал.

Никто не плакал.

Никто не бросился к начальству.

Именно тишина его напугала.

Павел снова посмотрел на свой терминал. Серый прямоугольник. Одно предложение. В нём не было злобы. Не было извинений. Не было ничего, кроме факта. Холодного, как металл, на котором он проработал тринадцать лет.

Он попытался вспомнить, когда руки появились.

Месяц назад? Два?

Их привезли ночью, смонтировали за выходные. В понедельник главный инженер — Кравцов, лысый, вечно в галстуке, даже в цеху — собрал смену и сказал: «Новое оборудование. Вспомогательное. Ваши функции не меняются». Павел помнил, как кивнул. Как все кивнули. Как никто не спросил: а если меняются?

Вспомогательное.

Он засмеялся. Тихо. Коротко. Звук вышел странным — не смех, а что-то среднее между кашлем и всхлипом.

Серёга поднял голову, посмотрел на него.

— Пашка, — сказал он. — Ты это…

Павел покачал головой. Не знал, что хотел сказать Серёга.

Не хотел знать.

Он развернулся и пошёл к выходу.

За спиной остались линии — четыре ряда конвейеров, гул моторов, запах озона и горячего металла, свет ламп дневного спектра, который всегда резал глаза, и три руки, которые варили сами, варили лучше, варили без него.

Дверь в раздевалку закрылась за ним с мягким шипением гидравлики. Павел стоял, прислонившись к стене, и дышал. Воздух здесь был холоднее, пах хлоркой и старым потом. На скамейке лежал чей-то комбинезон, забытый. Из динамика в углу тихо играло корпоративное радио — бодрый голос диктора рассказывал о новом цехе в Омске, о росте производительности, о «светлом будущем промышленности».

Павел сел на скамейку.

Посмотрел на свои руки.

Они были крепкими. Пальцы широкие, ногти коротко стрижены, на правой ладони — старый шрам от осколка металла, полоска бледной кожи от указательного пальца до запястья. Эти руки держали сварочный аппарат, когда ему было двадцать один. Держали пульт управления — тринадцать

лет. Держали жену — когда-то, давно. Держали сына — когда тот был маленьким, помещался на одной руке, тёплый и хрупкий.

Теперь они не держали ничего.

Павел закрыл глаза.

II

1995. Август.

Мальчик стоял на пороге мастерской и смотрел, как дед варит.

Павлу было десять. Летние каникулы в деревне — пыльная дорога, колодец с ржавым ведром, дом с покосившейся верандой. Родители оставили его здесь на два месяца: отец работал, мать лежала в больнице. Что-то с сердцем. Павел не понимал. Ему было десять, и слово «сердце» означало только то, что мама бледная, а отец почти не разговаривает.

Дед не разговаривал тоже. Но по-другому.

Он был высоким, жилистым, с руками, которые казались сделанными из того же металла, что он варил. Утром он ухо-

дил в мастерскую — сарай за домом, где пахло керосином и ржавчиной, — и пропадал до вечера. Павел бродил по двору, ловил кузнечиков, читал старые комиксы, которые нашёл на чердаке. Но мастерская притягивала.

Однажды он не выдержал.

Толкнул дверь — она была приоткрыта — и вошёл.

Дед стоял спиной, в маске сварщика, и вёл горелкой по стыку двух железных труб. Синий огонь плясал, шипел, плевался искрами. Павел замер. Не от страха — от восторга. Огонь был живым. Он слушался деда. Шов за горелкой оставался ровным, серебристым, красивым.

Дед выключил горелку. Поднял маску.

Обернулся.

— Чего встал? — спросил он. — Иди сюда.

Павел подошёл.

Дед протянул ему маску.

— Держи. Смотри.

Павел надел маску — она была тяжёлой, пахла потом и гарью — и дед снова зажёг горелку. Мир за тёмным стеклом стал другим. Огонь не слепил. Он был ярким, чётким, почти осязаемым. Павел видел, как металл плавится, как шов наплывает, как две отдельные части становятся одним целым.

— Видишь? — спросил дед. — Это сила.

Павел кивнул.

— Не в огне сила, — продолжал дед. — В руках. Огонь — дурак. Он жрёт всё подряд. А ты ему показываешь: вот сюда. Только сюда. Понял?

Павел снова кивнул, хотя не был уверен, что понял.

Дед выключил горелку. Снял с Павла маску.

— Запомни, — сказал он. — Если умеешь делать руками — никогда не пропадёшь. Машины ломаются. Люди — нет.

Павел запомнил.

III

2030. Март. Вторник. Полдень.

К обеду пришли вежливые люди.

Их было трое — двое мужчин в тёмных пиджаках без галстуков и женщина с планшетом. Молодая, лет двадцати пяти, волосы собраны в строгий пучок, улыбка профессиональная и тёплая, как у стюардессы. Они расположились в переговорной — маленькой комнате на втором этаже, где обычно проводили совещания по безопасности. Стол, восемь стульев, окно с видом на цех, кулер с водой. На стене — плакат: «Твоя безопасность — наша цель».

Павел сидел в углу. Рядом — Серёга, Коля, Лена, Рита, ещё четверо из других смен. Всего одиннадцать человек. Все молчали.

Женщина с планшетом улыбнулась.

— Добрый день, — сказала она. — Меня зовут Анна. Я представитель отдела кадровой трансформации. Мы здесь, чтобы помочь вам в этом переходном периоде.

Переходный период. Павел вдруг вспомнил школьный учебник истории — там было что-то про переходный период между феодализмом и капитализмом. Крестьянские восста-

ния. Кровь. Голод.

Анна продолжала:

— Я понимаю, что сегодняшнее решение стало для вас неожиданностью. Но мы хотим, чтобы вы знали: компания ценит ваш вклад. Мы подготовили компенсационный пакет, который покроет ваши расходы на ближайшие шесть месяцев. Кроме того, мы предлагаем бесплатные курсы переквалификации — программирование, робототехника, логистика, аналитика данных…

Серёга хмыкнул.

Анна посмотрела на него.

— У вас есть вопрос?

— Да, — сказал Серёга. — Сколько лет вам?

Анна моргнула.

— Двадцать шесть. Но я не понимаю, как это…

— Я работаю здесь двадцать два года, — перебил её Серёга. — Двадцать два. Я начал, когда вам было четыре. Вы

пришли и сказали: «Мы ценим ваш вклад». А потом: «Идите учитесь программированию». Я вас правильно понял?

Анна выдержала паузу. Улыбка не дрогнула.

— Я понимаю вашу реакцию, — сказала она. — Но мир меняется. Компания не может сохранять рабочие места, которые больше не нужны. Это неэффективно.

— Неэффективно, — повторил Серёга. — Значит, я — неэффективен?

— Вы — профессионал, — сказала Анна. — Но ваша профессия устарела.

Тишина.

Коля Ратников медленно встал.

— Я не подпишу, — сказал он.

Анна кивнула.

— Вы не обязаны. Но работу вернуть нельзя. Её больше не существует.

Коля стоял, раскачиваясь на каблуках. Павел видел, как у него дрожат руки — те самые руки в шрамах, которые двадцать два года держали инструменты, тяжесть, ответственность.

— Пошли вы, — сказал Коля тихо.

Развернулся и вышел.

Анна посмотрела на остальных.

— Ещё вопросы?

Павел поднял руку.

— Скажите, — сказал он, — а вы… вы же понимаете, что делаете?

Анна наклонила голову.

— В каком смысле?

— В прямом. Вы увольняете людей. Настоящих. Живых. С семьями. С ипотеками. С жизнями. И вы говорите это вот так — с улыбкой, с планшетом, с буклетами про переквалификацию. Вам не стыдно?

Анна не моргнула.

— Я делаю свою работу, — сказала она. — Как и вы делали свою. Мне жаль, что так вышло. Но я не принимаю решения. Я их реализую.

— Значит, вы — просто механизм? — спросил Павел.

— Если хотите, — согласилась Анна. — Как и роботы на вашей линии. Разница в том, что я понимаю, почему это происходит. А вы — нет.

Павел встал.

Подошёл к столу. Взял со стопки бумагу — договор о компенсации, три страницы мелким шрифтом.

Прочитал первый абзац.

Положил обратно.

— Я не подпишу, — сказал он.

— Вы не обязаны, — повторила Анна. — Но компенсация уже на вашем счету.

Павел посмотрел ей в глаза.

— Деньги — не компенсация, — сказал он. — Это откуп.

Он развернулся и вышел.

IV

2017. Ноябрь.

Жена ушла в четверг.

Павел помнил день недели, потому что в четверг он всегда заканчивал смену раньше — в шесть вечера вместо десяти — и они обычно ужинали вместе. Обычно. Но последние полгода «обычно» превратилось в «иногда», потом в «редко», потом в «почти никогда».

Он пришёл домой в половине седьмого. Открыл дверь. Света не было. Он включил свет в прихожей, разулся, прошёл на кухню. На столе лежала записка — белый лист, оторванный из блокнота, буквы крупные, старательные.

«Паша. Я ухожу. Не ищи меня. Не звони. Я не могу больше. Прости».

Павел сел на стул.

Прочитал снова.

Встал. Прошёл в спальню. Шкаф был открыт — её половина пустая. Туалетный столик — тоже. В ванной не было её шампуня, крема, той глупой розовой мочалки, которую он всегда задевал, когда брал полотенце.

Он вернулся на кухню.

Сел.

Записка лежала перед ним.

Я не могу больше.

Он попытался вспомнить, когда в последний раз они говорили. Не о быте — о счетах, о ремонте, о том, что нужно купить. А говорили. О чём-то важном. О чём-то, что имело значение.

Не вспомнил.

Павел поднял голову. Посмотрел на окно. За ним был

двор — детская площадка, качели, песочница, — и дальше — силуэты заводских труб, красные огни на их вершинах. Те огни горели всегда. День, ночь — не важно. Они были частью города. Частью его жизни.

Жена говорила: «Ты слишком занят тем, что тебя не касается».

Он не понял тогда.

Понял сейчас.

Завод не касался его. Работа не касалась его. Он был работой. Сорок часов в неделю — у линии. Ещё двадцать — в голове: мысли о швах, о температуре, о том, что нужно проверить завтра. Жена говорила — он кивал. Сын спрашивал — он отвечал, не отрываясь от телефона, где читал техническую документацию. Они жили в одной квартире, но в разных мирах.

И он даже не заметил, когда её мир исчез.

Павел сложил записку.

Положил в карман.

Встал и ушёл на работу.

Ночная смена начиналась в десять.

V

2030. Март. Вторник. Вечер.

Дома он сел у окна.

Квартира была тихой. Не пустой — вещи на местах, мебель, занавески, — но тихой так, как бывает тихо в музеях. Павел снял куртку, повесил на спинку стула. Прошёл на кухню, налил воды, выпил, стоя у раковины. Вода была холодной, с привкусом хлора. За окном догорал день — небо серое, облака низкие, фонари уже включились.

Он вернулся в комнату.

Сел у окна.

Посмотрел на город.

Трубы. Рея башенных кранов. Спирали транспортных лент, которые тянулись между корпусами завода, как артерии. Мигающие огни на крышах — красные, жёлтые, зелё-

ные. Город жил. Работал. Дышал. Без него.

Павел поднял руку. Посмотрел на терминал.

Включил экран.

Серый прямоугольник всё ещё был там. Одно предложение.

Он нажал на уведомление. Открылось подменю: «Подробнее о компенсации», «Курсы переквалификации», «Психологическая поддержка», «Центр занятости».

Павел закрыл.

Снял терминал. Положил на подоконник.

Сорок часов в неделю. Тринадцать лет. Шестьсот семьдесят шесть недель. Двадцать семь тысяч сорок часов. Он держал руками то, что теперь держали сенсоры. Держал — и держался за это.

Телефон завибрировал. Сообщение от сына: «Па, ты как? Слышал про завод».

Павел посмотрел на экран.

Набрал: «Нормально».

Стёр.

Набрал: «Всё в порядке».

Стёр.

Набрал: «Не знаю».

Отправил.

Ответ пришёл через минуту: «Хочешь, приеду?»

Павел улыбнулся. Грустно.

«Не надо. Учись».

«Точно?»

«Точно».

Он выключил телефон.

Встал.

Надел куртку и вышел.

VI

2030. Март. Вторник. Ночь.

Парк был пустым.

Павел шёл по дорожке, мимо фонарей, которые светили тускло, экономя энергию. Деревья стояли голыми — март, но весна ещё не пришла. Под ногами хрустел старый снег, смешанный с песком и грязью. Холодно. Павел поднял воротник.

Впереди — лавочка. На ней сидел старик.

Павел узнал его. Видел раньше — здесь же, в парке, обычно по вечерам. Старик всегда кормил ворон. Приносил хлеб в пакете, крошил, бросал, и вороны слетались десятками — жирные, наглые, городские. Они не боялись. Садились на спинку лавки, на плечи старика, клевали прямо из его рук.

Сейчас ворон не было.

Павел подошёл.

Сел рядом.

Старик не обернулся. Смотрел вперёд — на пустую площадку, на качели, которые медленно раскачивались от ветра.

— Сократили? — спросил старик.

Павел вздрогнул.

— Откуда…

— Все вы такие приходите, — перебил старик. — Первая неделя — удар. Вторая — ярость. Третья — ступор. А вот на четвёртой люди делают дело. Некоторые впервые в жизни.

Павел посмотрел на него.

Старик был высоким, даже сидя. Лицо — морщины, глубокие, как трещины в земле. Руки — большие, жилистые, в старых перчатках без пальцев. Он был одет в потёртую куртку, вязаную шапку, шарф. На лавке рядом лежал пакет с хлебом.

— Вы… вы кто? — спросил Павел.

Старик усмехнулся.

— Никто. Был кем-то. Потом перестал. Теперь кормлю ворон.

— Вас тоже сократили?

— Меня? — Старик покачал головой. — Нет. Я сам ушёл. Давно. Лет двадцать назад. Может, больше. Понял, что не хочу больше делать то, что делал.

— И что вы делали?

Старик помолчал.

— То же, что и ты. Держал. Руками. Головой. Сердцем. Держал, пока не устал. А потом отпустил.

Павел смотрел на него.

— И что потом?

— Потом? — Старик пожал плечами. — Потом ничего. Я просто жил. Читал. Гулял. Кормил ворон. Они, знаешь, умные. Узнают лица. Помнят, кто добрый, кто — нет. Иногда приносят подарки — блестящие штуки, камешки, стекляш-

ки. Это их валюта.

Павел засмеялся. Коротко.

— Валюта ворон, — повторил он. — А у людей?

— У людей? — Старик посмотрел на него. — У людей валюта — время. Только они не знают, сколько его осталось. Поэтому тратят на всякую дичь. На работу, которая их не волнует. На жизнь, которую они не выбирали.

Павел помолчал.

— А вы выбрали?

— Нет, — сказал старик. — Я просто перестал не выбирать.

Ворона опустилась на край лавки. Чёрная, с синим отливом на крыльях. Она посмотрела на старика, потом на Павла, наклонила голову.

Старик достал из пакета кусок хлеба. Протянул вороне.

Она взяла. Взлетела.

— Видишь? — сказал старик. — Она не спрашивает, почему я даю. Не благодарит. Не обещает вернуть. Она просто берёт. И живёт.

Павел смотрел на небо. Ворона исчезла за деревьями.

— Скажите, — спросил он, — а как вы… как вы поняли? Что пора уйти?

Старик вздохнул.

— Проснулся однажды. Лежу, смотрю в потолок. И думаю: «Я не хочу вставать». Не потому что устал. А потому что там — на работе, в городе, в жизни — ничего не ждёт. Ничего, что мне нужно. И я понял: я уже давно не живу. Я функционирую.

Павел закрыл глаза.

Функционирую.

— И вы просто ушли?

— Просто? — Старик хмыкнул. — Нет. Я мучился. Полгода. Думал: а вдруг я ошибаюсь? Вдруг это депрессия? Вдруг пройдёт? Но не прошло. Тогда я написал заявление.

Вышел из офиса. Сел на лавку — вот на эту, наверное, — и заплакал. От ужаса. От облегчения. От того, что наконец-то решил.

Павел открыл глаза.

— А потом?

— Потом я научился жить, — сказал старик. — Не работать. Не функционировать. Жить. Ты знаешь, что это значит?

Павел помолчал.

— Нет, — сказал он честно.

Старик кивнул.

— Вот и узнаешь.

Он встал. Взял пакет с хлебом.

— Иди домой, — сказал он. — Поспи. Завтра будет легче. Не сильно, но легче.

Павел остался на лавке.

Старик ушёл — медленно, чуть прихрамывая, растворился в темноте между деревьев.

Павел сидел.

Терминал на запястье пискнул. Реклама: «Курс переквалификации. Ты — не функция. Ты — архитектор».

Павел снял терминал.

Положил на лавку.

Посмотрел на свои руки.

Они были пустыми.

Где-то в груди треснула тонкая корка — та, что он строил тринадцать лет, слой за слоем, день за днём, смена за сменой, — и сквозь неё пробилось что-то странное. Нелепое. Стыдное.

Лёгкость.

Павел вдохнул.

Выдохнул.

Встал.

Взял терминал. Положил в карман.

И пошёл домой.

Он не знал, что это шанс.

Ещё не знал.

Но чувствовал — что-то начинается.

Что-то, чего он избегал всю жизнь.

Себя.

Глава 2. Архитектор

2040. Апрель. Четверг.

I

Утро приходило к нему раньше, чем к остальным.

Это была не метафора — стеклянный дом стоял на южном склоне холма, и первые лучи солнца касались его окон в 05:47, когда город внизу ещё тонул в синеватой тени. Павел просыпался до будильника. Лежал, смотрел, как свет медленно прибывает — сначала белый, почти слепой, потом золотистый, потом тёплый, янтарный, — и думал о том, что прошло десять лет, а он так и не привык к этому. К свету без заводских труб. К тишине без гула конвейера.

Он поднялся. Налил воды. Стоял у окна босиком, чувствуя холод плитки под ногами.

Внизу просыпался город.

Не тот город, который он помнил по 2030-му. Тот был живым по-другому — шумным, механическим, заводским. Этот жил иначе: тихо, распределённое, как нейронная сеть. Транспортные ленты заменили часть дорог, корпоративные кварталы обросли вертикальными садами, стеклянные корпуса административных центров светились в ранних сумерках. Красивый город. Эффективный. Продуманный до миллиметра.

Павел смотрел на него и думал: красота без людей — это декорация.

Хотя люди были. Они просто изменились.

II

2031. Апрель. Второй месяц без работы.

Он учился варить кофе.

Это звучало нелепо — тридцать пятилетний мужчина, бывший оператор сварочной линии, стоит на крошечной кухне съёмной квартиры и изучает, как правильно заваривать эспрессо. Но он делал это методично, как когда-то учился держать горелку: читал, практиковал, записывал результат.

Первые две недели после увольнения он не делал ничего.

Не потому, что не было сил. Потому что не было языка — он не знал, как описать то, что происходит с человеком, когда убирают то, чем он был двадцать лет. Не то чтобы горе. Не то чтобы ярость. Скорее — дезориентация. Как если бы компас, который всегда показывал север, вдруг начал показывать в пол.

На третьей неделе он позвонил сыну.

— Па, — сказал Артём, — ты как вообще?

— Не знаю, — ответил Павел. — Честно.

— Ты что-нибудь делаешь?

— Учусь варить кофе.

Долгая пауза.

— Это хорошо, — сказал Артём осторожно. — Это важно.

— Ты издеваешься.

— Нет. Серьёзно. Ты хоть что-то выбрал сам. Первый раз, наверное, за долго.

Павел не ответил. Положил трубку. Смотрел в окно.

Первый раз за долго.

Он сварил кофе. Выпил. Он был плохим — горьким, передержанным, — но это был его кофе. Его руки. Его решение.

Это было смешно. Это было правдой.

III

2040. Апрель. Четверг. Утро.

Журналистка приехала в девять.

Ей было лет двадцать восемь. Звали Катя — короткие волосы, острые скулы, взгляд человека, который давно привык задавать вопросы и не верить первому ответу. Она работала в «Новом контексте» — издании, которое пять лет назад начиналось как блог о технологиях и постепенно превратилось в одно из немногих мест, где ещё писали о людях, а не о системах.

Павел провёл её на террасу. Вид открывался на весь город — панорама в сто восемьдесят градусов, от портовых кварталов на юго-западе до новых жилых массивов на севере. Катя остановилась, посмотрела.

— Красиво, — сказала она.

— Смотря с какой точки, — ответил Павел.

Она обернулась.

— Это метафора?

— Всё подряд у вас метафора?

— У нас — это у журналистов?

— У молодых.

Она засмеялась. Неожиданно — коротко и искренне, без профессиональной вежливости. Павел отметил это. Хороший знак.

Они сели. Он принёс кофе — два кофе, в простых белых чашках. Катя достала блокнот. Настоящий, бумажный.

— Вы не записываете на терминал? — спросил Павел.

— Когда хочу слышать человека — блокнот, — сказала она. — Когда нужны точные цитаты — терминал. Сейчас хочу слышать.

Павел кивнул. Ему понравился ответ.

— Хорошо, — сказал он. — Спрашивайте.

Она открыла блокнот. Посмотрела на него.

— Вас называют Архитектором, — начала она. — Вы проектируете судьбы?

Павел отпил кофе.

— Нет, — сказал он. — Я проектирую условия, в которых человек перестаёт себе врать. Дальше каждый сам.

Катя записала. Подняла голову.

— А в чём разница?

Павел посмотрел на город.

— Судьбу нельзя спроектировать. Это самонадеянность. Как если бы я сказал, что умею проектировать погоду — потому что построил дом с хорошей крышей. Крыша — моя. Погода — нет. Я строю крышу.

— Для людей?

— Для людей.

Катя кивнула. Писала.

— Расскажите, — сказала она, не отрывая взгляда от блокнота, — как человек, который тринадцать лет варил металл, стал тем, кем вы стали.

Павел молчал секунду.

— Долго, — сказал он. — И не сразу. И несколько раз я думал, что не стану.

IV

2033. Февраль. Третий год.

Он провалился на собственном первом семинаре.

Это был небольшой зал в культурном центре — двадцать четыре стула, проектор, кофемашина в углу. Тема звучала тяжело и претенциозно: «Идентичность после автоматизации: как жить, когда твоя профессия исчезла». Он сам придумал название. Потом ненавидел его три месяца.

Пришли девятнадцать человек. Разные — от Алины, двадцати шести лет, бывшего бухгалтера (её должность ликвидировал алгоритм за восемь месяцев до семинара), до Михаила Степановича, шестидесяти одного года, инженера-тех-

нолога с тридцатью годами стажа, которого уволили под предлогом «оптимизации структуры».

Павел встал перед ними.

Приготовил речь. Хорошую речь — структурированную, с примерами, с цитатами. Три дня писал.

Открыл рот.

И понял, что говорит не то.

Он читал текст, который сам себе не верил. Слова были правильными, но они не были его. Они были словами человека, который прочитал много книг о потере работы, — но не того, кто потерял её. Собственную. Настоящую. Павел слышал себя со стороны и видел, как глаза людей в зале тускнеют. Не от скуки — от разочарования. Они пришли за чем-то живым. Он давал им конспект.

На двадцать второй минуте он остановился.

Положил листы на стол.

Долгая тишина.

— Извините, — сказал он. — Это была хорошая речь. Но не правда.

Михаил Степанович наклонил голову.

— А правда — какая?

Павел сел. Прямо на стол — боком, неформально, не потому что хотел казаться расслабленным, а потому что ноги стали ватными.

— Правда такая, — сказал он. — Я тоже не знаю, что делать. У меня тоже нет ответа. Я проработал тринадцать лет там, где теперь стоят три руки. Я потерял жену до того, как потерял работу. У меня сын, которому не нужна моя помощь. И я два года пытался понять, кто я без всего того, чем был.

Пауза.

— И?

— И я ещё не понял до конца. Но я понял кое-что другое. — Он помолчал. — Я понял, что тридцать лет я был функцией. Мне давали задачу — я выполнял. Мне давали роль — я играл. И это было удобно. Удобно — и пусто. Когда функ-

цию отменили, оказалось, что под ней ничего нет. Пустота. И это страшнее, чем безработица. Это вопрос: а был ли я вообще?

Алина подняла руку.

— Вы говорите за себя или за всех нас?

Павел посмотрел на неё.

— За себя. Но если совпадает — значит, совпадает.

Она кивнула. Что-то в её лице смягчилось.

— Совпадает, — сказала она тихо.

Семинар продолжался ещё два часа. Без конспекта. Без структуры. Просто разговор — девятнадцать человек и один, который не знал ответов, но умел задавать вопросы. Павел не учил. Он спрашивал. Что было до работы? Что осталось внутри помимо профессии? Когда в последний раз делали что-то не потому, что надо, а потому что хочется?

Уходя, Михаил Степанович пожал ему руку.

— Приду на следующий, — сказал он. — Если будет.

— Будет, — сказал Павел.

И понял, что не солгал.

V

2040. Апрель. Четверг. Полдень.

— Как вас стали называть Архитектором?

Катя подняла голову от блокнота. Кофе остыл — оба, нетронутый. Павел взял свой, отпил.

— Репортёр из одного издания написал статью, — сказал он. — Назвал меня «архитектором человеческого потенциала». Длинно и пошло. Осталось «архитектор».

— Вам не нравится?

— Мне всё равно. Термины — это чужие слова для чужого взгляда. Они не обязаны совпадать с тем, что происходит внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.